

Спектакль французской труппы "Компани Жером Тома", показанный московской публике Театром Наций и Французским культурным центром, посвящен вездесущим жонглерам и их неутомным шарикам.

Два смешных коротких слова в названии представления — "Хик Хок" — похожи на присказку к хитрому фокусу. Хлопок-щелчок — и дело в шляпе. Без ловкости рук, доведенной почти до мошенничества, подобный спектакль обойтись, конечно же, не может. Но автор, постановщик и хореограф Жером Тома и его четыре актера — Мартин

Жонглеры-заговорщики

Швецке, Филипп Монар, Эли Лорье, Эмманюэль Англаре не довольствуются одним лишь виртуозным трюкачеством. Жонглирование для них — повод к размышлениям о причудах действительности и тайнах подсознания.

"Hic" по латыни означает "здесь", а "Hoc" — "там". Действие спектакля разворачивается то на праздничной площади, совсем такой, как сотни лет назад, где разгуливали фигляры, гистрионы и мимы. То в мире тревожных грёз и манящих иллюзий. Оказывается, время и пространство тоже могут позволить жонглировать собой.

Мячики отлетают от рук, выются, скачут и убегают в кулису. Маршруты для "попрыгунчиков" сочиняются на ходу, в процессе

открытой импровизации. И если при ярком свете, "среди бела дня" шарики еще подчиняются рукам жонглеров, то в ночном полумраке норовят проявить самостоятельность, претендуют на главные роли.

В неровном, осколочном освещении возникают тонкие оси. Шарик движется по ним робко, как ртуть в термометре. Но вот нити раскручиваются, бешеная амплитуда расслаивает пространство на точки, круги и зигзаги. Изображения размываются и возвращаются к строгим линиям. В мелькании огоньков, фигур и линий рождаются и исчезают чертежи и миражи иллюзии. Движения капель света в темноте настраивают на философский лад. Как тут не за-

думаться о слабом человеческом существе, окруженном химерами, грёзами и фантазиями. Под аккомпанемент рева, жалоб и странной капели пляшут шарики на тростях и резиночках. Хищные глаза пустого ночного города, хвостатые кометы, блестящие разводы в лужах, крылья бабочек и лепестки цветов. Ассоциации можно длить и длить. Но на абстрактном полотне появляется вполне конкретная фигурка человека: И начинается история о сне, где не пошевелить ни рукой, ни ногой. Об искусе. О незащищенности от кроважанных фар, когда все накрепко и движется не в ту сторону. А актеру снится сверхжонглирование. Шары летают над головой сами по себе, оставляя в воздухе свои светящиеся следы.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

Культура. — 1997. — 6 нояб. — с. 9